

Д. Е. Фурман

Является ли современное российское президентство гарантом общественного согласия и стабильности?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы должны прежде всего уяснить себе, о какой стабильности идет речь: о стабильности данной социально-политической системы, данного состояния общества, или о стабильности самого общества, его способности развиваться без потрясений, без ломки своих социально-политических систем. Это совершенно разные стабильности, ибо может быть временная стабилизация системы, которая обречена и падение которой неизбежно вызовет общую нестабильность. Так, русский царь был гарантом стабильности и согласия в обществе, которое, тем не менее, шло к революции. Наши коммунистические вожди, кроме Брежнева, тоже были гарантом стабильности, и смерть Брежнева, конечно, способствовала дестабилизации. Более того, Гитлер был гарантом стабильности фашизма, и если бы, например, какое-либо покушение на него оказалось удачным, среди фашистских лидеров могла бы начаться кровавая борьба за власть, и режим, конечно, дестабилизировался бы. Разумеется, подобные стабильности нечто совсем иное, нежели стабильность Англии, современной Западной Европы, США, поскольку не нуждается в персональных гарантиях. Чем больше стабильность режима зависит от личности, тем более нестабильны и режим, и общество в целом.

Безусловно, стабильность нашего режима зависит от Президента. И степень этой зависимости очень велика. Если бы Ельцин вдруг тяжело заболел, я думаю, в стране действительно возникла бы крайняя нестабильность, хотя бы потому, что у нас нет должности вице-президента, к которому автоматически перешла бы власть. "Исчезновение" Ельцина могло бы повлечь за собой ожесточенную борьбу разных сил и группировок, вплоть до кровавых разборок. Более того, даже выборы Президента опасны для нашей стабильности. Они непредсказуемы, и мы находимся в ситуации, когда выборы могут повлечь за собой что-то вроде социального переворота.

Таким образом, Ельцин - явный гарант стабильности и согласия, от состояния его здоровья непосредственно зависит общественный порядок, и он совершенно правильно делает, когда периодически являет себя народу в бассейне или на теннисном корте, - это должно демонстрировать его жизнеспособность. Но это и означает, что общество нестабильно, что режим, стабильность которого зависит от здоровья главы государства, обречен. Наш Президент - гарант стабильности нестабильной системы. Что же это за система, как она возникла и какое место в эволюции нашего общества занимает?

Любое общество, которое сегодня служит образцом демократической, не зависящей от личности, основанной на законе и правопорядке динамичной стабильности, прошло длительный период формирования социальных порядков, опирающихся на догматическую стабильность Средневековья. Был относительно стабилен режим французской монархии, рухнувший во время Великой французской революции. Стабильна современная Французская Республика. Между ними - период революций, наполеонов, реставраций, длительный и кровавый период перехода к современной стабильности.

Мы идем от царского абсолютизма к демократической России, между которыми - 1905-ый, 1917-ый, 74 года советской власти, 1991-ый и 1993 годы. Вопрос в том, достигли ли мы конца этого громадного и кровавого переходного периода, достигли ли мы тех форм общественно-политической жизни, при которых развитие может идти спокойным, эволюционным путем, без потрясений, является ли теперешняя политическая система, с характерной для нее громадной ролью президентской власти, "окончательной" или, во всяком случае, такой, которая может трансформироваться плавно, конституционным путем, поправками к Конституции?

Но вопрос этот в громадной степени риторический, сам факт, что Президент у нас является гарантом стабильности означает, что к названным годам нам следует прибавить еще какой-то, допустим, 2005 год, после чего ритм истории будет определяться ритмом выборов, как это происходит в развитых демократических странах, где самые важные исторические события совершаются со строгой регулярностью. Движение от "средневековой" неподвижной стабильности к динамичной демократической осуществляется в различных странах в разных формах, с разной скоростью и с разного вида трудностями. Мы не будем вдаваться в причины этого. Ясно, что в нашей стране оно идет медленнее, тяжелее и "драматичнее", чем в Западной Европе. Медлительность и революционная "драматичность" взаимосвязаны. Нового типа стабильности быстрее всего достигли Англия, Нидерланды, скандинавские страны, где наименее "драматическое" развитие. Мы еще продолжаем переживать события 1991-го и 1993 годов, в то время как не только Англия и США, но Франция и Италия забыли аналогичные события своей истории. Мы же видим в своей истории два ярко выраженных цикла. (Впрочем, цикличность процессов перехода к демократии характерна не только для нас. Французская история тоже имеет яркие циклы.)

Первый цикл - от царского абсолютизма к сталинщине через предреволюционный "либеральный" период 1905-1917 годов, очень недолгий период демократии, Октябрьскую революцию и послереволюционный "остаточный либерализм". Попытка достигнуть демократии в ходе этого цикла закончилась провалом. Общество, "переросшее" абсолютистскую стабильность, не доросло до стабильности демократической и после революционных конвульсий вернулось в новых формах к системе, разумеется, более динамичной и открытой, чем царский абсолютизм, но отнюдь не демократической. Царская власть как бы восстанавливалась в новых формах во власти первого лица партии и государства - Сталина, Хрущева, Брежнева. Советская коммунистическая система, безусловно, более динамична, чем система царского абсолютизма. Развитие общества идет в ее формах. Но это все же "закрытая" система, и развитие означает ее дестабилизацию. Наступает новый цикл.

Второй цикл "мягче" первого, общество теперь более "зрелое", лучше подготовлено к демократии. (Эта разница между первым и вторым циклами - основное достижение советской власти.) Тем не менее, это тоже революционный цикл, а не просто плавная эволюция. Здесь та же логика "двух шагов вперед и одного назад", рывка к свободе и неизбежного при такой форме развития попадания в "ловушку", частичного воссоздания в новом виде старых политических форм. Второй цикл, как и первый, начинается с либеральной "продемократии", причем аналогом Дум 1905-1917 годов является, конечно, не теперешняя Дума, а Съезд народных депутатов СССР с фактически "куриальной системой". 1991-ый - это аналог 1917 года. Дальше развитие идет "вспять".

Общество 1991 года было гораздо более готово к демократии, нежели общество 1917 года, но значительно в меньшей степени, чем считало. При этом разрушение СССР и КПСС - внешне громадные шаги вперед, на основе которых и в борьбе с которыми могли бы

вызреть демократия. В 1991 году полной свободы добилось общество, не готовое к ней, не имеющее практически никаких институтов гражданского общества, никакой привычки к демократии и правопорядку. Результат был предопределен. За 1991-ым с неизбежностью последовал 1993 год. Два шага - вперед, шаг - назад. Естественно в неструктурированном обществе, без массовых организаций, без реальных партий, со случайно выбранными депутатами парламента, со всеобщими ожиданиями "манны небесной", с сильными национальными противоречиями, начинает воцаряться хаос. А из хаоса возникает "гарант стабильности и согласия" в лице Президента. Вряд ли надо доказывать, что наша Конституция 1993 года, принятая после разгона парламента (аналог разгону Учредительного собрания), создала систему, значительно менее демократическую, чем системы 1989-1991 или 1991-1993 годов. Это система, в которой еще раз в русской истории произошло частичное "восстановление самодержавия". И очень характерно, что, как и при Сталине, власть тянется к русской монархической символике. Иного и быть не могло, "иного не дано".

Ясно, что восстановление это отнюдь не полное. Власть Президента реально очень ограничена. И не столько Думой, Советом Федерации и Конституционным судом (теоретически он может разогнать их также, как разогнал парламента в 1993 году), сколько самим обществом, которое уже не поддается регламентированию и мобилизации. Общество не "созрело", не "доросло" до реального демократического самоуправления, но оно "переросло" настоящий авторитаризм. Уже в брежневский период генсек реально не мог командовать местными властями или руководителями промышленности. Его всеисие было скорее символическим. Тем более этого не может президент. В брежневский период существовала чисто формальная, иллюзорная "монолитность". Сейчас ее вообще нет, духовная жизнь народа идет "помимо" всех правительственных усилий. У Президента нет "приводных ремней", и им неоткуда взяться.

Теперешняя система - это система, очевидно, переходная, она должна смениться полноценной демократией. Чтобы это произошло, общество должно, во-первых, "успокоиться", избавиться от завышенных ожиданий (как "манны небесной", так и "конца света"), свойственных революционному периоду 1989-1993 годов. Оно должно "привыкнуть" к свободе слова, к механизму выборов, должно как-то "структурироваться", создать свои институты. Только тогда мы сможем перейти к настоящей демократической стабильности и завершить громадный переходный период от средневековья к демократии (аналогичный период французской истории от Генеральных штатов - к Пятой республике).

Переход к полноценной демократии неизбежно будет в какой-то мере "революционным", хотя бы потому, что нам придется принять "настоящую" Конституцию. Следовательно, пройти через что-то вроде Учредительного собрания. Но степень этой революционности в громадной мере будет зависеть от субъективных факторов.

После чеченской войны и особенно после событий в Буденновске, когда Шамиль Басаев невольно сыграл колоссальную политическую роль для становления и укрепления демократии в России, выборы 1996 года стали, очевидно, неизбежными. Природа режима, отражающего нынешнее состояние нашего общества, такова, что 1996 год будет, несомненно, годом крайней нестабильности. Вполне можно предположить, что Президент и его окружение предпримут какие-то чрезвычайные усилия, чтобы удержать власть. Однако в "неструктурированном" обществе может произойти все, что угодно, например, в последний момент появятся самые неожиданные кандидаты. (Поучителен пример

Белоруси, где победил не имевший ни программы, ни партии, вообще ничего кроме искренности и обещаний покончить с коррупцией А. Лукашенко.) И поскольку власть Президента у нас очень велика, от результатов выборов и характера Президента зависит очень многое. Попытаемся понять, какого типа человек это может быть.

Мне думается, то это не будет политик демократического, парламентского типа, вроде Горбачева (несмотря на свое "происхождение", он именно демократический политик) или Явлинского. Это должен быть человек, психологически соответствующий типу "самодержавного президентства", способный дать обществу ощущение "твердой руки", "излучающий" твердость и решимость. Однако период, когда в этой твердости должен обязательно присутствовать несколько патологический "революционный" элемент, закончился. Ельцин не сможет победить в 1996 году не только потому, что его уже "попробовали", но и потому, что народ стал "разборчивее". Патологически революционный период эволюции общественного сознания, которому соответствовала ельцинская способность сначала говорить "простите своего Президента" при нечаянной гибели нескольких человек в 1991 году, а затем стрелять из танков по Белому дому и устраивать бойню в Чечне, кончился. Я думаю и надеюсь, что одновременно с этим кончился и период Жириновского. Собственно, это один период. Жириновский, и Ельцин имеют, несомненно, общие психологические черты. Сейчас народу скорее понравится более спокойный человек, лишенный истеричности.

Пока что я вижу двух таких людей, каждый из них имеет свои достоинства и недостатки. Первый - Лебедь, шансы которого сейчас, впрочем, упали в связи с его ошибочным согласием на вторую роль в команде Скокова и в связи с резким рывком Черномырдина после Буденновска. Лебедь идеально удовлетворяет тягу к патологической авторитарности и имеющееся у народа "антиистеблишментские настроения", одновременно с этим он достаточно спокоен и умерен в своих политических взглядах и оценках. Негативной стороной "имиджа" генерала является то же, что является позитивной: не будучи связан с политическим истеблишментом, он не имеет ни политического опыта, ни какой-либо программы, поэтому в нем есть элемент непредсказуемости.

Второй - Черномырдин, являющий сегодня "человеческое лицо правящего класса". Если Лебедь и вселяет страх - не совсем ясно, что он может устроить, то Черномырдин, напротив, внушает уверенность и спокойствие. И опять-таки негативные элементы его имиджа - продолжение позитивных. Хотя он и воплощает "человеческое лицо" элиты, слишком очевидно, что он и есть эта элита, миллиардер, причем тогда, когда большинство населения переживает время экономически очень тяжелое, если не кошмарное. Не берусь судить, кто из них лучше и кто хуже. Оба - не мудрецы, не пророки и не святые. Но я не думаю, что России сейчас нужен мудрец, пророк или святой. Единственное, что нужно - это Президент, который предоставит стране возможность более или менее спокойно жить, дает созреть институтам гражданского общества, не вынудит на четвертом году своего президентства гадать, допустит ли он выборы. Если он сделает это, он сведет к минимуму опасности, которые могут быть сопряжены с неизбежным переходом к политической системе, при которой общество уже не перестанет нуждаться в "царственном Президенте", гаранте стабильности. Стабильность и согласие будут гарантироваться самим обществом, его самоорганизацией и демократическими институтами.